

ковного пения (с. 322–336). Если учесть, что пение по хирономии было зафиксировано в основополагающих православных уставах и через них могло войти в Устав русского богослужебного пения (Студийский устав, как известно, был переведен на славянский язык в XI в.), что на многих иконах русского происхождения мы видим зафиксированные иконописцем хирономические жесты (в тех случаях, когда на иконе изображаются певчие), то феномен хирономии станет отнюдь не безынтересным и для историков русского церковного пения. Исторические сведения о хирономии, собранные Е. В. Герцманом, так же, как его мысли о сути выражаемых посредством хирономических жестов певческих «действий», становятся в этой связи для нас особенно ценными.

Первые вводит Е. В. Герцман информацию об «исонном пении», базирующуюся на византийских рукописях XIV в., отразивших практику гораздо более раннюю (с. 538–539). И хотя упоминание о *τὸ ἰσοχρότιον* как указание на пение с исоном (т. е. выдержанным тоном) редко, но все же можно найти в зарубежных работах, попыток подступить к объяснению этой *terra incognita* нам не встречалось.

Один из волнующих вопросов в связи с историей православного пения связан с многоголосием. Было ли оно в византийской традиции, а если было — то каким? Для тех, кого этот вопрос интересует, книга Е. В. Герцмана чрезвычайно ценна. Во-первых, как мы уже говорили, автор отмечает реальный факт существования греческого «исонного пения», а это уже одна из форм многоголосия. Во-вторых, один из разделов трактата Псевдо-Дамаскина (РАИК 63, л. 50) излагает «Основы диплофонии», т. е. пения с удвоениями (утроениями и даже учетверениями), что очень похоже и по типу, и по характеру на аналогичное пение в Западной Европе. Оно было зафиксировано в латинских трактатах с конца IX в. под греческим же названием «диафония». Если вспомнить также, что пение с выдержанным тоном, как и пение параллельными голосами, являлись исторически первичными формами многоголосия у всех народов, что феномен такого пения дает исключительные, ни с чем не сравнимые по красоте и силе резонирующих с акустикой храмового пространства эффекты, то можно ли быть уверенным, что в Византии такого пения не было, даже если записанные образцы его не со-

хранились?³

Естественно, что для заключений по этому поводу еще далеко. Нет сомнения, однако, в том, что материалам, опубликованным в книге Е. В. Герцмана, предстоит еще не раз быть цитированными и интерпретированными.

Мы понимаем, что в таком гигантском труде, как «Петербургский Теоретикон», не может быть дана исчерпывающая научная интерпретация всего материала. Тем более, не может быть проведен курс на адаптацию «тайнозамкненных» текстов к нашему современному сознанию. Поэтому во многих вопросах исследователям, читающим книгу, надо разбираться самостоятельно. Для этого работа дает много возможностей. Естественно, что в ней можно встретиться и с некоторыми неточностями, случайностями, но мы не хотим привлекать к ним внимание, ибо они не могут повлиять на общую оценку труда Е. В. Герцмана. Появление такого труда в нашей стране — это большое научное событие. Если читатель представит себе еще и те технические сложности, которые сопровождали издание этой книги, то нельзя не назвать проведенную Е. В. Герцманом работу научным подвигом.

Ю. Евдокимова, А. Конотов

Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний: каталог выставки / Составитель и ответственный редактор Б. Л. Фонкич. М.: Издательство «Индрик», 1995, 103 с. (Текст на русском и английском языках)

В связи с Международной конференцией «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.», которая проходила в Москве с 3 по 7 октября 1995 г., в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева была организована выставка греческих рукописных мате-

³ В одной статье (M. Adamis. Report of the Eleventh Congress. Copenhagen, 1972) нам встретился пример греческого параллельного пения из источника XV в.

риалов и памятников искусства из московских хранилищ. Из огромного числа архивных документов и произведений искусства, хранящихся в Москве, организаторы выставки отобрали наиболее важные экспонаты, отражающие интенсивные политические и духовные связи России с миром Восточного Средиземноморья в XVII в. Каталог этой выставки состоит из введения и пяти разделов:

— Крит и Россия в XVII в.

— Афон и Россия в XVII в.

— Иерусалимский патриархат и Россия в XVII в.

— Хиосские греки в Москве в XVII в.

— Привоз в Москву с Христианского Востока икон, мощей святых, церковного облачения, рукописей. Приезд в Россию греческих художников.

При отборе материала учитывалась тематика докладов участников конференции.

Первый раздел каталога отражает выдающуюся роль выходцев с Крита в истории Средиземноморья, Центральной, Восточной Европы и России. Среди них константинопольские патриархи Кирилл Лукарис, Афанасий Пателар и знаменитый дидакал Герасим Влах. Кирилл Лукарис на протяжении более 20 лет вел активную переписку с русским правительством, сообщая важнейшие сведения о политической ситуации на Востоке и в Европе в период Тридцатилетней войны. Помимо рекомендательных писем, выданных Лукарисом представителям греческого духовенства, посещавшим Москву, фонды РГАДА хранят шесть собственноручных писем константинопольского патриарха к царю Михаилу Федоровичу и московскому патриарху Филарету. Четыре из них были представлены на выставке. Кроме того, на выставке впервые экспонировался саккос Кирилла Лукариса (№ 6 каталога), который был прислан царю Алексею Михайловичу 17 лет спустя после гибели константинопольского патриарха.

Афанасий Пателар, как и Кирилл Лукарис, был тесно связан с Россией. В 1653 г. он посетил Москву, позднее некоторое время жил на Украине, где и скончался. В каталог включены собственноручные грамоты Афанасия царю Алексею Михайловичу и московскому патриарху Филарету, а также автограф его «Толкования божественной литургии», созданной для патриарха Никона.

Целый комплекс уникальных документов

посвящен периоду Критской (Кандийской) войны (1645-1669 гг.) между Венецией и Турцией за Крит. Уже с самого начала военных действий русское правительство получало из греческого мира обширную информацию политического характера, а также сведения о состоянии и перемещении турецких войск и флота. Именно в это время к русскому двору попадают сочинения видных восточных иерархов с призывом к отвоєванию у турок Константинополя и освобождению всего православного мира. Среди них «Слово по-нуждаемое» Афанасия Пателара, сохранившееся лишь в русском переводе, «Побудительное слово... к непобедимому царю Московии Алексею Михайловичу» участника Критской войны будущего митрополита Филладельфийского Герасима Влаха, также дошедшее до нас в переводе, наконец, «Повесть о Крите острове...» критского архимандрита Неофита. Повесть содержит краткую историю острова с древнейших времен до середины XVII в., подробное описание начала Кандийской войны и идею о необходимости освобождения Константинополя и Крита от турецкого владычества (№ 12 каталога). В каталог включены также свидетельствованные грамоты, сопровождавшие принесение в Россию мощей, икон и других православных святынь, подтверждающие их происхождение и подлинность (№ 14, 15 каталога).

В каталоге представлены рукописи и печатные книги, происходящие с Крита, но попавшие в Россию не прямым путем. К ним относится, например, часть библиотеки епископа Кифиры Максима Маргуня, вывезенная из афонского Ивирского монастыря Арсением Сухановым. Впервые опубликован фрагмент «Сборника пророчеств», автором, писцом и иллюстратором текста которого был известный критский художник Георгий Клонцас (№ 21 каталога).

В разделе, посвященном связям России с Афоном в XVII в., особое место занимает Ивирская обитель. Из Ивира в 1648 г. в Москву прибыла копия чудотворной иконы Богоматери Портаитиссы, изготовленная по просьбе будущего московского патриарха Никона (№ 24 каталога), а также 17 греческих рукописей и старопечатных изданий, использовавшихся для исправления русских богослужебных книг. На выставке экспонировались некоторые манускрипты, привезенные с Аф-

на Арсением Сухановым. Среди них — «Описание Эллады» Павсания (вторая половина XV в.), того же времени «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (№ 29, 30 каталога) и манускрипт из Лавры св. Афанасия с сочинением Григория Богослова, защитными листами для которого был фрагмент рукописи VI в. (№ 32 каталога).

Отношения России с Иерусалимским патриархатом в XVII в. во многом сложились благодаря деятельности патриарха Феофана, который дважды побывал в Москве. Именно им в 1619 г. был поставлен в московские патриархи Филарет Никитич. На выставке экспонировалась повторная грамота Феофана об утверждении Филарета на русском патриаршем престоле, присланная взамен первой, сгоревшей в московском пожаре 1626 г. Вместе с иерусалимским патриархом прибыл в Москву и остался на службе у царя Иоанникий Грек, сыгравший видную роль в укреплении отношений России с православным Востоком. Деятельность патриарха Феофана была продолжена его преемником патриархом Паисием, позднее — патриархом Досифеем. Последний оставил особенно значительный след в духовной жизни России конца XVII в. На выставке представлены две грамоты Досифея, касающиеся «Дела патриарха Никона», а также его грамота, сопровождавшая присылку в Москву корпуса антилатинских сочинений. Некоторые из документов имеют собственноручную правку и записи иерусалимского патриарха.

В «Деле патриарха Никона» приняли участие видные церковные деятели, выходцы с Хиоса. Выставка знакомит нас с автографом Мелетия Грека, участвовавшего в организации Большого московского собора, с письмом к Алексею Михайловичу архиепископа хиосского Нового монастыря Кирилла, советовавшего низложить Никона. Мы видим фрагмент «Истории о московском соборе...» Паисия Лигарида, оказавшего сильное влияние на жизнь русской церкви второй половины XVII в. Греческий текст акта о низложении патриарха Никона был написан известным писцом Иоанном Сакулисом, также происходившим с Хиоса (№ 47 каталога).

Значительное место на выставке отводилось иконам, предметам культа и христианским святыням, привезенным русскому царю, членам его семьи, патриарху и другим влиятельным лицам. Помимо упомянутых

выше саккоса Кирилла Лукариса и иконы Богоматери Ивирской, следует отметить две чудотворные иконы Влахернской Богоматери, бывшей на протяжении многих веков защитницей Константинополя (№ 49, 50 каталога), несколько афонских напрестольных крестов, походный крест патриарха Никона и др.

Авторы каталога отмечают, что данный раздел мог бы быть значительно представленнее, но этому препятствуют недостаточная изученность как привезенных предметов культа, так и документов, сопровождавших их появление в России.

Несмотря на строгий отбор экспонатов выставки для публикации, каталог дает полное представление о том богатейшем пласте греческого культурного наследия XVII в., которое хранится в российских собраниях и прежде всего — в архивах, библиотеках и музеях Москвы.

Подробные исторические и искусствоведческие справки, сопровождающие публикуемые памятники, указатель литературы, превосходное полиграфическое исполнение, позволяющее увидеть палеографические особенности манускриптов, делают аннотируемый каталог прекрасным справочным изданием. Оно, несомненно, заинтересует широкий круг специалистов, занимающихся русско-греческими связями XVII в.

Н. П. Чеснокова

Б. А. Семеновкер.
Библиографические памятники
Византии.
М., 1995, 222 с.

Хотелось бы сразу же констатировать: для нас, византинистов, книга Б. А. Семеновкера представляет особый интерес, так как вскрывает совершенно новый пласт византийской культуры — культуры библиографической. Разумеется, сами по себе памятники византийской письменности, рассмотренные в книге, хорошо византинистам известны и изучены. Но, будучи выстроенными в единый ряд, включенными в более широкие координаты такой специальной дисциплины, как история мировой библиографии, и рассмотренными под определенным, не-